СТРУКТУРА МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КНИГЕ ПОЭЗИИ Я. КУПАЛЫ «ШЛЯХАМ ЖЫЦЦЯ»

Е. Л. Хальпукова, Белорусский государственный университет

Символический язык художественного произведения моделирует определенные пространственные отношения в тексте, при структурном исследовании которых выявляются наиболее значимые компоненты системы: «анализ текста представляет собой переход от вещественного пространства линейной формы текста к абстрактному и нелинейному пространству его структуры» [4, с. 90].

Описание пространственных параметров художественной картины мира составляет основу авторских космогонических мифов. Принципы организации и становление мифологической реальности, в целом, базируется на бинарных оппозициях, концентрирующихся вокруг категорий «сакрального» – «профанного».

Вследствие того, что в мифосистеме литературного текста любой предмет может быть наделен функциями сакрального объекта, в качестве семантических ориентиров, структурирующих мифопоэтическое пространство, выделяются образы-доминанты. Пространственный тезаурус включает в себя универсальные мотивы *пути, дали, центра*, которые, будучи основными элементами космогонических мифов, детерминируют условия функционирования объектов художественного мифотворчества.

Для лирики Я. Купалы в целом свойственно противопоставление «далекого» (и его ассоциативного ряда «космического, мифологического, счастливого») – «близкого» (ассоциативный ряд «земного, реального, несчастного»): *«І так бязупынку, то к небу – дзе зоры, // Нясецца, як птушка, ў даль думка мая; // То скоціцца ў мора, ў вялікае мора // Людзкога, забытага шчасцем, жыцця»* [3, с. 21].

«Даль» в поэзии Я. Купалы обычно выступает атрибутом мифологического пространства и сочетается с лексемами с положительной коннотацией: *«То рвецца ў даль, то зноў баіцца: // І мід і страшан думцы свет»* [3, с.64]; *«Быццам з песняй, быццам з ласкай, // З чараўніцкай нейкай казкай, // З-за далёку, з-над усходу // Віхар мчыцца ў непагоду»* [3, с. 13]; *«Запеўшы пахвалай нязведанай далі, // К вядомай павернецца долі людзкой»* [3, с. 21]. В стихотворении «Мінуты шчасця» происходит интересная трансформация этого мотива: *«Сплылі ў душу з высі высокай // ... // Вялі па сцежках нехаджалых // ... // Аж пацягнулі вышай, далей // Туды, адкуль зышлі так міла. // Вітаю іх і ня вітаю, // Стаю, як пільграм на расстаю // Ў чужым далёкім недзе краю, // Як над пустой стаю магілай»* [3, с. 24 – 25]. Как видим, амбивалентная сущность мифологемы дали заключается в соединении положительной семантики образа с отрицательным отношением

к нему лирического героя, который осознает границу миров – мифологического и реального – как распутье (поэт выбирает лексему с негативным значением по сравнению с нейтральным словом «перекресток» – бел. «скрыжаванне») или как пустую могилу (в данном контексте – негативный символ потустороннего мира).

В мифологической реальности все значимые события происходят в центральных точках (напомним, что мифологическое пространство не является гомогенной, т. е. однородной, средой: оно состоит из дискретных элементов, так называемых теменосов [5, с. 155]). Центром здесь является любой уголок, где становится возможным упорядочение хаоса.

В книге поэзии «Шляхам жыцця» такие образы соотносятся с мифологемой дома, являющегося центром мира лирического героя: «*Ці любіш дом? свой родны дом, // Што ў часе бур, плакучых хмар, // Калі ў душу ударыць гром, // Нясе прытульны думкам чар*» [3, с. 259]. В целом, в белорусской лирике начала XX века преобладают мотивы мистической любви к родному дому, своей земле, вопреки их убогости (стихи Я. Купалы «Хатка», «Мая хатка», «Я ад вас далёка...» и др.).

В поэзии Я. Купалы мифологическим центром является художественный образ кургана: «*Мільённыя цягнуцца рукі, // Дзе дрэмле купальскі курган*» [3, с. 81]. «Курган у творчасці Янкі Купалы становіцца алегорыяй не толькі духоўнага ўзвышэння, але і яднання. Гэта месца, дзе сустракаюцца і яднаюцца мінулае і сучаснае, неба і зямля, дух і проза, мара і рэчаіснасць» [2, с. 153]: «*Можна тут веру даць – толькі слухаць душой... // Курганы шмат чаго нам гавораць*» [3, с. 225]; «*Перайшло, мінула, // Што калісь жыло, // Ёў курганох заснула*» [3, с. 154]. Как и в традиционной мифосистеме, сакральный центр в поэзии Я. Купалы соотносится с мифологемой горы: «*На высокай гарэ, дзе ніхто не арэ, // Толькі птушка-арол дзе садзіцца, // Там збудую, ўзьведу, нізі ўсей на віду, // Мураваную вежу-званьніцу*» [3, с. 17].

Для творчества Я. Купалы характерно понимание архетипа пути как способа преодоления социальных дистанций (концепция М. Бахтина), ведь именно дорога является местом пересечения судеб различных людей. В поэтическом сборнике с концептуальным названием «Шляхам жыцця» посредством мифологемы пути осмысливается человеческая жизнь как странствие, благодаря которому происходит познание бытия и формируются ценностные ориентиры: «Вобраз дарогі ў Я. Купалы мае метафізічна-сімвалічны характар, ён суадносны з самымі агульнымі паняццямі філасофскага зместу, ён выражае і ахоплівае быццё ў яго самых агульных абрысах» [1, с. 192].

В сборнике Я. Купалы моделируются типичные дорожные ситуации, выраженные в фольклорно-мифологической символике числа три. Это характерно как для лирики самого поэта (например, для стихотворной сказки «Чараўнік»: «Тры наказваў ім ён на свеце дарогі, // Тры пуціны іх долі-нядолі» [3, с. 227]), так и для переводной поэзии («Трох Будрысаў» А. Мицкевича: «Тры вайны на тры свету староны: // Вольгерд рускіх біць едзе, Скіргел – ляхаў-суседзяў, // А князь Кейстут – заграбіць Тэўтоны. // ... // Трох вас ёсць і тры ёсць вам дарогі» [3, с. 250], «Тры дарогі» М. Конопницкой: «Ідуць тры сцежкі з хаты // На долю і нядолю: // Ідзе адна, дзе пану // Людцы пахаюць поле; // Налева ад хаціны // Ідзе ў карчму другая, // А трэцяя – к магілкам, // Дзе брат наш спачывае» [3, с. 256]).

В лирике Я. Купалы хронотоп пути выражается, как правило, однонаправленно (либо вертикально, либо горизонтально): «Дык наперад, покi сэрца // Б'еца, рвецца на прастор, // Годзе млеці ў паняверцы! // Гэй да сонца! гэі да зор!» [3, с. 20]; «Гулам звона скажу, сьцежку-шлях пакажу // На прывольле, на ўродныя гоні! // За гарой за другой дам жывы вадапой, // Жыватворнае кожнаму зелье» [3, с. 17].

Все положительные коннотации мифологемы пути в поэзии Я. Купалы связаны с космическим, природным пространством («Абняліся мы з ёй, // Божым сном наплылі // Ў даль да сонца ўдваіх – // Па зялёнай зямлі, // Па квяцістым пуці» [3, с.101]) и обусловлены солярной символикой, в которой актуализируются архетипические представления о победе света над тьмой («Каб апыніўшыся ў крыштале // Шчаслівых сонечных іскрын, // Самое сонца ўзяць у рукі // І, як з паходняй, з ім ісці, // Святлом ніштожыць нашы мукі, // Увесь плач роднае зямлі» [3, с. 31]).

Отрицательные коннотации появляются при изображении реалистического хронотопа, в котором «бязпутнікі ў жыцці» [3, с. 237] не выдерживают экзистенциальных испытаний: «Пуціна была, мы і тую // Згубілі, як лепей – ня зналі: // Ці маем шукаці старую, // Ці к новай блукаціся далей?» [3, с.102]. Трагичность ситуации выражается в осознании невозможности выбора правильного пути: «Іду... Куды ісці сягоння? // Аднэй няма, а шмат дарог» [3, с. 243].

Мифологическую реальность в лирике Я. Купалы отличает оптимистическое звучание. Возрожденческий контекст начала XX века определяет у поэта хронотоп пути: «К новай долі шлях нам ляжа, // Як на небе млечны шлях» [3, с. 20]. Такое сравнение далеко не случайно: согласно славянской мифологии, по Млечному Пути души праведников – благородных, справедливых, мужественных людей – попадают в рай. А у Я. Купалы в подтексте прочитывается идея заслуженного светлого будущего

для многострадального народа. С символикой национального возрождения связана и купаловская «Молодая Беларусь», которая, как живой огнецвет, золотистыми снами создает новую реальность: *«Смела ў сонцы ідзеш, як жывы агняцвет, // Сееш ласкава сны залацістыя»* [3, с. 14].

1. Гарадніцкі, Я. А. Мастацкі свет беларускай літаратуры XX стагоддзя / Я. А. Гарадніцкі. – Мінск, 2005. – 206 с.
 2. Каваленка, В. А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры / В. А. Каваленка. – Мінск, 1981. – 320 с.
 3. Купала, Я. Шляхам жыцця / Я. Купала. – 2-е выд., папраўл. – Вільня, 1923. – 270 с.
 4. Лукин, В. А. Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа : Учеб. для филол. спец. вузов / В. А. Лукин. – М., 1999. – 192 с.
- Хюбнер, К. Истина мифа / К. Хюбнер; пер. с нем. И. Касавина. – М., 1996. – 448 с.